

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ,

р. 1754 † 1841 г.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.

I.

Жизнь и дѣятельность Александра Семеновича, какъ государственнаго человѣка и какъ писателя, довольно извѣстна. Въ настоящемъ очеркѣ я намѣренъ записать нѣкоторыя подробности его частной жизни, домашней обстановки, близко мнѣ извѣстныя. Здѣсь найдутъ также мѣсто его взгляды и сужденія по разнымъ предметамъ, высказываемые имъ въ домашней жизни и по которымъ онъ, несмотря на свои лѣта и положеніе, по обычному благодушію, допускалъ всякія словопренія. Я говорю здѣсь о періодѣ съ 1824 г. по первое пятилѣтіе 30-хъ годовъ.

Александръ Семеновичъ, бывши тогда министромъ народнаго просвѣщенія и имѣя подѣ 70 лѣтъ, женился (вторымъ бракомъ) на Юліи Осиповнѣ, рожденной Нарбуттъ, вдовѣ д. с. с. Лобаржевскаго, послѣдовавшаго въ Петербургъ за польскимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ послѣ его отреченія; ей было болѣе 45-ти лѣтъ.

Эта запоздалая женитьба вызвала въ городѣ много толковъ. Когда Шишковъ испрашивалъ себѣ у императора Николая позволенія на бракъ, государь далъ его съ милостивой улыбкой, и вслѣдъ за этимъ, попросивъ въ свой кабинетъ государыню, представилъ ея величеству маститаго жениха, какъ „будущаго молодаго“. Бракъ этотъ, однако-жъ, сверхъ ожиданія, оказался счастливымъ. Г-жа Шишкова славилась нѣкогда красотою, отъ которой въ ея лѣта оставался еще значительный процентъ. Она была умная, великосвѣтски-образованная и очень добрая женщина. Утомленный одиночествомъ, почтенный старикъ (онъ не имѣлъ дѣтей) нашелъ въ женѣ прекрасную хозяйку, преданную по-другу, ухаживавшую за нимъ съ заботливостію сестры милосердія, что

въ женитьбѣ Александра Семеновича „и требовалось доказать“. Это признавали всѣ бывавшіе въ домѣ, и г-жа Шишкова достигла разрѣшенія самой трудной задачи: она приобрѣла искреннюю привязанность недовольныхъ ея бракомъ близкихъ родственниковъ мужа.

До его женитьбы первая моя встрѣча съ Шишковымъ была слѣдующая. Въ одинъ изъ 20-хъ годовъ было у меня какое-то дѣло въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ департаментѣ мнѣ сказали, что нужно подать прошеніе лично министру. Онъ тогда занималъ министерскій домъ въ Почтамтской улицѣ (въ послѣдствіи нерешедшій въ почтовое вѣдомство и совершенно перестроенный). Послѣ доклада меня ввели въ большую залу, гдѣ я засталъ министра въ халатѣ. Онъ кормилъ любимаго попугая, изъ породы какаду, до того вылинявшаго отъ старости, что, кромѣ желтаго хохла на головѣ, не было уже на немъ ни одного перышка. Александръ Семеновичъ принялъ меня любезно, взявъ прошеніе, сказалъ, что оно будетъ тщательно рассмотрѣно и со всѣми справками доложено ему отъ департамента. Говоря это и держа мою бумагу въ одной рукѣ, другой онъ продолжалъ ласкать отвратительную птицу, которая, вѣроятно, была старѣе его. Я раскланялся и ушелъ. Но напрасно въ слѣдующіе дни я навѣдывался въ департаментъ; прошеніе мое туда не поступало. Наконецъ, по моему настоянію, директоръ справлялся у прислуги и изъ разсказа камердинера оказалось, что по моемъ уходѣ Александръ Семеновичъ положилъ прошеніе у самой клѣткѣ и забылъ, а какаду досталъ его своимъ клювомъ и истербилъ въ куски. Хорошо еще, что къ нему не было приложено никакого документа. Я долженъ былъ подавать вторичное прошеніе; министръ принялъ его какъ нѣчто новое; но на этотъ разъ оно въ цѣлости достигло своего назначенія и имѣло благоприятный исходъ.

Юлія Осиповна была мнѣ родственница по женскому колѣну и приходилась бабушкой, но въ виду, что она могла еще имѣть притязанія на красоту, я ее называлъ *ma tante*. По выходѣ ея замужъ, я сдѣлался у Шишковыхъ домашнимъ человѣкомъ; тетушка просто баловала меня и утверждала, что Александръ Семеновичъ полюбилъ меня; онъ даже спрашивалъ обо мнѣ, когда я нѣсколько дней не являлся. Впрочемъ, я былъ не бесполезенъ для нея. Когда никого другаго не было, Юлія Осиповна посылала меня бесѣдовать съ мужемъ, особенно въ тѣ послѣобѣденные часы, когда почтенный дядюшка, не для сна (онъ не спалъ днемъ), а для отдохновенія укладывался на диванъ, и когда нанятая для этого женщина чесала ему голову съ бѣлыми, какъ серебро, волосами. Онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ со мною и хоть это не совсѣмъ совпадало съ наклонностями молодого человѣка, однако, я не скучалъ. Шишковъ разсказывалъ иногда

анекдоты изъ своей жизни, но болѣе всего время проходило въ диспутахъ о разныхъ предметахъ. Я возвращусь къ этимъ бесѣдамъ, а теперь расскажу маленькій эпизодъ изъ моихъ отношеній къ Шипковымъ.

Въ моей фізіономіи должно быть что-нибудь такое, что привлекаетъ ко мнѣ промышленниковъ всякаго рода, обѣщая имъ легкую поживу. Это очень не лестно, но что же дѣлать? это фактъ. Если на улицѣ, по который я иду, найдется какой-нибудь плутъ, продающій съ таинственными ужимками мнимо-краденныя вещи: солдатъ, просящій подаванія, подъ видомъ, что онъ потерялъ что-нибудь изъ амуниціи; плачущая дѣвушка, утверждающая, что она потеряла кортонку, съ которою была послана изъ моднаго магазина,—то каждая изъ такихъ личностей непремѣнно, минуя другихъ прохожихъ, пристаётъ ко мнѣ. Тоже самое съ шпионами всякаго разбора. Въ 50-ти-лѣтнее пребываніе мое въ Петербургѣ я пережилъ нѣсколько поколѣній этихъ пріятныхъ господъ, и особенно когда я былъ еще молодъ, почти всѣ главные изъ нихъ, поочереды, охотились за мною. Сознавая за своею наружностью упомянутый недостатокъ, я былъ очень остороженъ и мнѣ ниразу не случилось попасть въ когти фискаловъ; послѣднее, впрочемъ и потому, что я не скрывалъ и не имѣлъ ничего скрывать. Погоня эта, въ первые 15 или болѣе лѣтъ моего пребыванія въ столицѣ почти непрерывная, забавляла меня; я внутренно смѣялся, видя какъ они напрасно расточаютъ свои лекоковскія способности и теряютъ дорогое время. Когда въ послѣдствіи я близко познакомился съ начальникомъ тайной полиціи Л. В. Дубельтомъ, какъ съ товарищемъ по главному управленію пензуры, я подсмѣивался предъ нимъ надъ недогадливостью агентовъ, не смекавшихъ сразу, что со мною для нихъ не предстоить никакого дѣла.

Одинъ изъ фискаловъ настойчивѣе другихъ меня преслѣдовалъ; это было въ 1829 г., когда еще думали, что отъ декабристовъ могли оставаться отрасли и когда въ Царствѣ Польскомъ учащались симптомы, предвѣщавшіе будущія событія. Я, тогда еще не женатый, часто обѣдывалъ въ извѣстномъ французскомъ ресторанѣ Андріе (потомъ Дюме), гдѣ собиралось вообще хорошее общество, но такъ какъ это было заведеніе почти открытое, хотя и безъ вывѣски, но не требовавшее строгой рекомендаціи, то постоянно, въ числѣ гостей, былъ одинъ или два шпиона. Тотъ, который спеціально охотился за мною, старался всегда садиться за столомъ возлѣ меня, завелъ, какъ ему казалось, близкое знакомство, оказывалъ ко мнѣ особенную симпатію и говорилъ комплименты. Послѣ обѣда, когда одни усаживались за домино, другіе допивали кофе и курили сигары, мой Лекокъ не отста-

валъ отъ меня. Онъ имѣлъ манеры хорошаго общества, прекрасно говорилъ по-французски, по-польски и постоянно наводилъ разговоръ на дѣла Царства Польскаго и, упоминая о столкновѣніяхъ, которыя у мѣстныхъ властей случались съ императорскимъ комиссаромъ Новосильцовымъ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, принималъ всегда сторону поляковъ. Онъ заводилъ также рѣчь о декабристахъ, о ихъ связи съ польскими заговорщиками, о тайныхъ обществахъ между виленскими студентами и т. п. При этомъ онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ бы боясь быть подслушаннымъ и давалъ мнѣ наставленія, какъ надо быть осторожнымъ въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ шпионы. Иногда, для оживленія разговора, его сіятельство (онъ былъ князь) спрашивалъ себѣ une *molécule* (такъ у Андріе называли бутылку шампанскаго), и тогда, чокаясь со мною, притворялся еще болѣе откровеннымъ и прямо уже осуждалъ дѣйствія правительства, мѣняя часто предметы, дабы попасть на мою слабую сторону и поймать меня на чемъ-нибудь. Все это было „шито бѣлыми нитками“. Я сразу раскусилъ его, но оставлялъ въ иллюзіи, что слова его принимаю за колычущую монету. Отвѣчая на его декламациі, я отдѣлывался общими мѣстами и вообще заступался за существующій порядокъ; онъ все таки не отчаявался, что заставитъ меня высказаться въ его духѣ. Наконецъ, комедія эта мнѣ надоѣла и я довольно круто отдѣлался отъ продолженія подобныхъ бесѣдъ. Между тѣмъ я узналъ положительно, что мой собесѣдникъ—официальный агентъ и что въ этомъ характерѣ онъ состоитъ при генераль-губернаторѣ одной изъ западныхъ губерній. Онъ отсталъ отъ меня не безъ досады, что былъ проведенъ молодымъ человѣкомъ.

Это происходило лѣтомъ и Шишковы жили на дачѣ, по Каменно-островскому проспекту, въ домѣ Аллера. Меня просили бывать каждый день и даже хотѣли отвести для меня комнату; но я тогда велъ жизнь довольно разсѣянную, въ кружкѣ, къ которому принадлежали Туркуль, Бобрь, Собанскій, Шеміотъ и др. и гдѣ мы много играли. Но по воскресеньямъ бывалъ у Шишковыхъ обязательный обѣдъ. Въ одинъ изъ такихъ дней я отправился на дачу раньше, чтобы до обѣда погулять по парку. Войдя въ домъ, въ пріемной залѣ засталъ моего князя; онъ, съ бумагою въ рукахъ, дожидался выхода министра. Мы поздоровались довольно холодно, а между тѣмъ обо мнѣ доложили Юліи Осиповнѣ. Отворяется дверь, тетушка выбѣгаетъ съ распростертыми объятіями, и упрекаетъ, что я пропадаю, что ихъ забываю. Князь не могъ скрыть своего удивленія и смущенія, видя такой пріемъ того, кого онъ ловилъ въ свои сѣти, и кто, повидимому, разгадалъ его. Тетушка увела меня въ свою комнату и тамъ, назвавъ ожидав-

шаго въ залѣ, спросила не знаю-ли я его и какой это человѣкъ? такъ какъ онъ ищетъ вакантнаго мѣста предсѣдателя одного изъ цензурныхъ комитетовъ, нашелъ дорогу къ ней и просилъ ея протекціи. Я разсказалъ о немъ все что зналъ и, разумѣется, мой бывшій другъ не получилъ просимаго мѣста.

Шипкова старалась всячески ублажать старые годы своего мужа. доставлять ему удовольствія и развлеченія. Въ обыкновенные дни, по вечерамъ, она составляла для него партію въ вистъ, въ который онъ любилъ играть. Рождественниковъ его принимала радушно и почти всегда кто-нибудь изъ нихъ гостилъ у Шишковыхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. По воскресеньямъ бывали вечера, на нихъ собиралось много гостей высшаго общества, въ томъ числѣ всѣ старые друзья и сослуживцы хозяина. Въ одну годовщину его рожденія, жена, въ тайнѣ отъ него, устроила сюрпризъ. Она хорошо пѣла, у ней былъ небольшой, симпатичный сопрано. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ сочинилъ для нея приличные случаю куплеты. Созвано было много гостей. Послѣ чая Александра Семеновича попросили отъ партіи, которую онъ уже игралъ, въ большую залу. Пропѣты были куплеты, отъ которыхъ старикъ пришелъ въ умиленіе; затѣмъ, Каратыгинъ (старшій) декламировалъ нѣсколько сценъ изъ какой-то театральной пьесы, переведенной во время оно Шишковымъ съ французскаго, а извѣстный стихотворецъ, Борисъ (прозванный Борькой) Оедоровъ († 1875 г.), прочиталъ свои стихи: „Утро Александра Семеновича“, гдѣ играли роли: жена, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и фаворитъ-попка, тотъ самый, который нѣкогда съѣлъ мое прошеніе. Маститый виновникъ праздника былъ очень доволенъ; затѣмъ вечеръ перешелъ въ балъ; Шишковъ любилъ, чтобы у него молодежь танцевала.

Кстати объ этомъ праздникѣ, разскажу выходку англичанина, показывающую, какъ отношенія къ помѣщикамъ крестьянъ, состоявшихъ подъ крѣпостнымъ правомъ, представлялись глазамъ британца. Былъ въ Петербургѣ англичанинъ, учитель пѣнія, Кельнеръ, большой руки оригиналъ. Извѣстно было, что онъ побочный сынъ короля Георга III. Воспитываясь въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Англіи, онъ оказывалъ большія музыкальныя способности и, обладая прекраснымъ basso cantante, специально посвятилъ себя изученію музыки. О своемъ происхожденіи Кельнеръ узналъ только по окончаніи воспитанія и пришелъ въ негодованіе. Ему, какъ и другимъ побочнымъ дѣтямъ англійскихъ монарховъ, носящимъ передъ своей фамиліею слогъ Fitz, предстояло значительное положеніе; но онъ заявилъ, что не принимаетъ никакихъ предлагаемыхъ ему преимуществъ и пособій и будетъ самъ

зарабатывать средства къ жизни. Онъ принялъ даже нѣмецкую фамилію, сдѣлался учителемъ пѣнія, и чтобы ничто въ отечествѣ не напоминало ему ненавистнаго происхожденія, поселился съ женою въ Петербургѣ, гдѣ пріобрѣлъ большую практику; тайна его, однако-жъ, разглашена была петербургскими англичанами, но никто не смѣлъ намекнуть ему о ней. Впрочемъ, это былъ умный человѣкъ и вполне джентльменъ. Г-жа Шишкова встрѣтила его, когда я уже былъ женатъ, въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ давалъ уроки моимъ падчерицамъ. Она просила его дать ей нѣсколько уроковъ въ виду будущаго сюрприза и для этого Кельнеръ бывалъ по утрамъ въ министерскомъ домѣ. Но однажды, во время урока, доложили Юліи Осиповнѣ, что староста изъ деревни привезъ оброкъ. Она просила учителя немного подождать, и пошла къ старостѣ. Тотъ, по тогдашнему крестьянскому обычаю, упалъ ей въ ноги. Увидѣвъ это въ анфиладу комнатъ, Кельнеръ, съ крѣпкимъ англійскимъ словомъ, вскочилъ со стула, надѣлъ шляпу, и такъ прошелъ чрезъ всѣ комнаты, а въ послѣдней обнялъ ошеломленнаго мужика, со словами „poor brother!“ и обращаясь къ хозяйкѣ дома, сказалъ: „Милостивая государыня, если бы я могъ ожидать, что увижу у васъ такое варварство, такое униженіе человѣческой природы, то нога моя не переступила бы вашего порога. Не ждите меня болѣе“. Кельнеръ съ ожесточеніемъ рассказывалъ намъ объ этомъ и мы напрасно старались успокоить его; невинную Шишкову онъ возненавидѣлъ.

Извѣстно, что предметъ, которымъ Александръ Семеновичъ всегда преимущественно, а въ послѣдніе годы своей жизни исключительно занимался, были изысканія лингвистическія. Для этого нужно было знаніе древнихъ, восточныхъ и новѣйшихъ европейскихъ языковъ; но это знаніе у него было довольно скудно. Несмотря на это, онъ усвоилъ себѣ и постоянно развивалъ ту мысль, что славянскій языкъ — древнѣйшій изъ всѣхъ и что всѣ человѣческіе діалекты произошли изъ этого общаго источника. Это былъ его конѣкъ, доставлявшій невинное и неголоволомное занятіе старому заслуженному сановнику.

Въ интимныхъ бесѣдахъ со мною Шишковъ очень рѣдко и только случайно затрогивалъ этотъ предметъ, вѣроятно считалъ его слишкомъ важнымъ для того, чтобы трактовать о немъ съ молодымъ человекомъ, а меня—недовольно зрѣлымъ для принятія такой премудрости. Зато онъ охотно рассказывалъ анекдоты изъ прежней своей службы; я запомнилъ слѣдующіе:

Шишковъ былъ флигель-адъютантомъ императора Павла. Однажды, въ дежурство Александра Семеновича, государь принялъ балъ у кня-

зей Гагариныхъ, данный въ извѣстномъ, подаренномъ императоромъ княжѣ Гагариной великолѣпномъ домѣ, въ Большой Милліонной ¹⁾). Обязанность дежурнаго флигель-адъютанта была слѣдовать нога въ ногу за государемъ на случай какихъ-нибудь приказаній. Балъ продолжался уже нѣсколько времени; Павелъ Петровичъ былъ веселъ и разговорчивъ. Вдругъ отворяется дверь и въ ней показывается графъ К***. Государь видимо призналъ неумѣстнымъ, что, зная о присутствіи его на балѣ, одинъ изъ званыхъ позволилъ себѣ явиться позже высочайшаго гостя. Едва графъ успѣлъ переступить порогъ, какъ государь, обращаясь къ Шишкову, говоритъ: „Флигель-адъютантъ, ступай къ графу К. и скажи ему, что онъ дуракъ“. Александръ Семеновичъ говорилъ, что никогда въ жизни не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ эту минуту, тѣмъ болѣе, что тотъ, кому велѣно было сказать такую любезность, былъ знатная особа. Но дѣлать было нечего. Онъ подходитъ къ этой особѣ и съ низкимъ поклономъ начинаетъ: „Государь императоръ приказать....“ Но государь, пошедшій вслѣдъ за нимъ, перебиваетъ и вскрикиваетъ. „Не такъ, говори какъ приказано и больше ничего“. Послѣ того молодой офицеръ, снова раскланившись, во всеуслышаніе произнесъ: „Ваше сіятельство, вы дуракъ“. — „Хорошо“, похвалилъ государь и отошелъ. На другой день Шишковъ ѣздилъ къ графу извиняться въ невольной дерзости; это, кажется, было лишнее и только напомнило паціенту о вчерашней невзгодѣ.

Другой анекдотъ былъ изъ экспедиціи русскаго флота на Іоническія острова. Шишковъ тогда былъ уже немалого ранга морскимъ офицеромъ. Онъ рассказывалъ такъ: „Намъ большой военный корабль въ Іоническомъ морѣ шелъ шибко, подъ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, почти штормомъ. Справясь съ морскою картою, видимъ мы, что находимся въ недалекомъ разстояніи отъ большой подводной скалы, на которой угрожаетъ намъ неминуемое крушеніе. Кораблемъ, въ такую погоду, очень трудно было управлять; всѣ офицеры собрались въ каюту командира для совѣщанія, какъ избѣгнуть гибели. Пошли разные мнѣнія и оживленные споры. Только видимъ, молоденькій мичманъ, разъ и другой, отворяетъ дверь и заглядываетъ въ каюту, какъ бы желая что-то сказать, но не смѣетъ. Командиръ позвалъ его и спросилъ, что ему нужно?—„Я—говоритъ мичманъ—хотѣлъ доложить, что намъ лучше всего править прямо на самый тотъ пунктъ, гдѣ на картѣ показана скала“.—„Какъ такъ?“ спросили мы въ недоумѣніи.—

¹⁾ Теперь этотъ палаццо принадлежитъ г-жѣ Жеребцовой, рожденной княжнѣ Гагариной. О. П.

„А вотъ что, отвѣчалъ молодой морякъ, въ означеніи скалы на картѣ по такому сжатому масштабу нельзя предполагать математической точности и разниа должна быть по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень; а этого довольно, чтобы корабль прошелъ безопасно“. Это было вполне логично; совѣтъ мальчика дѣйствительно представлялъ наиболѣе благопріятныхъ шансовъ; мы послѣдовали ему и корабль прошелъ благополучно. Мы удивлялись смѣливости мальчика; изъ него со временемъ вышелъ знаменитый морякъ“. Я забылъ его фамилію, которую мнѣ сказалъ Шишковъ.

Часто повторялись сѣтованія Александра Семеновича на современную русскую литературу, особенно на періодическія изданія. Онъ находилъ, что новые писатели извращаютъ русскій языкъ немилосердно, не любилъ Карамзина, упрекая его въ томъ, что русскую рѣчь онъ передѣлываетъ на французскій ладъ. Жуковского хвалилъ, но Пушкину не отдавалъ полной справедливости. Болѣе всего онъ не могъ терпѣть сочиненій Греча и Булгарина, относя обоихъ къ одной категоріи; „Сѣверную Пчелу“ называлъ „Сѣвернымъ Жукомъ“. Извѣстно, что, не внимая ходатайству разныхъ вліятельныхъ лицъ, и несмотря на составленную Гречемъ „Грамматику русскаго языка“, Шишковъ, до кончины своей, не согласился на принятіе его въ члены Россійской Академіи. Читая нумера „Сѣверной Пчелы“, Александръ Семеновичъ каждый разъ приходилъ въ негодованіе; особенно сердили его иностранныя слова, встрѣчаемыя въ текстѣ газеты.

Часто, для оживленія бесѣды, случалось мнѣ противорѣчить Шишкову, но разъ я обратилъ противъ него собственное его оружіе и поставилъ старика въ затруднительное положеніе. Читая газету, онъ попалъ на иностранное слово; это было, сколько помнится, прецедентъ. Онъ разразился гнѣвомъ противъ такого дерзкаго нововведенія. Я тогда уже былъ того мнѣнія, что не только можно, но даже должно занимать слова изъ другихъ языковъ, когда въ своемъ не находится выраженія, съ совершенною точностью передающаго желаемую мысль. Отречься отъ мысли по такой ничтожной причинѣ, значило предпочитать существенное второстепенному, приносить духъ въ жертву буквѣ. Я принялъ на себя защиту прецедента, не съ общей теоретической, а съ частной, практической стороны вопроса и сказалъ: „Вѣдь в. в. убѣждены, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго; если это такъ, то нѣтъ, собственно говоря, иностранныхъ словъ; всѣ они славянскія“. Изъ этой дилеммы не было исхода: ему нужно было согласиться съ моимъ выводомъ и не сердиться на прецедентъ, или отречься отъ общаго кореннаго начала, лелѣимаго во всю жизнь. Мнѣ жаль было видѣть старика, какъ ему трудно было лавировать между

Спиллой и Харибдой. Наконецъ, онъ кое-какъ выбрался изъ рифовъ, сказавъ, что хотя нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ диалекты произошли отъ одного славянскаго корня, но они такъ развѣтвились и такъ далеко уклонились отъ первообраза, что теперь трудно, иногда невозможно, прослѣдить ихъ связь съ корнемъ и потому слѣдуетъ ихъ считать выродившимися въ чуждыя слова. Я не хотѣлъ уже возражать, что это значить считать ихъ иными, отдѣльными отъ славянскаго, языками.

Съ 1829 года я издавалъ въ Петербургѣ политико-литературную газету на польскомъ языкѣ. Александръ Семеновичъ съ жаромъ возставалъ противъ того, что для польской и чешской грамотности приняты не славянскiя или русскiя, а латинскiя буквы. Въ разговорахъ со мною онъ часто возвращался къ этому предмету и особенно настаивалъ на томъ, чтобы я мою газету печаталъ русскими буквами. Я доказывалъ невозможность этого и представлялъ именно слѣдующее: въ польскомъ языкѣ есть много такихъ звуковъ, для которыхъ въ русскомъ алфавитѣ не имѣется письменныхъ знаковъ. Таковы носовые звуки *ą* и *ę*, соотвѣтствующiе французскимъ *on*, *in*. Даже сопоставленiя однозвучныхъ съ польскими русскихъ буквъ, не удовлетворяетъ требованiямъ польскаго произношенiя. Такъ напримѣръ, моя фамилiя *Przeźławski*, только приблизительно пишется Пржецлавскiй. и въ польскомъ выговорѣ ея есть отгнѣнокъ, котораго русскими письменами передать нельзя¹⁾. Фамилiю послѣдняго министра статсъ-секретаря Царства Польскаго *Łęski*, нѣтъ возможности написать порусски. Если даже ставить обратное *э* (Лэнскiй), то и тогда выйдетъ звукъ, соотвѣтствующiй французскому *le*; въ произношенiи же этой фамилiи нуженъ звукъ твердаго *л*, въ соединенiи съ *э*, несвойственный русскому языку. Такая же невозможность написать по-русски такiя слова и названiя лицъ, гдѣ *л* соприкасается съ гласными *а*, *о*, *и*, напримѣръ, *Wielopolski*, *Lassoła*, *Lubański*. Всѣ эти доводы не убѣждали Александра Семеновича; но когда мы спорили, какъ бы въ подтвержденiе моихъ словъ, входитъ нѣкто Лодеръ. Я говорю:

— Вотъ и этого господина фамилiю нельзя написать порусски.

— „Какъ нельзя,—возразилъ Александръ Семеновичъ,—это очень легко“.

— Не только не легко, а повторяю, невозможно; если подставлять букву за букву, то выйдетъ Лодеръ, а онъ *Loder*; въ его имени нѣтъ твердаго *л*.

— „Ну такъ что же, что нѣтъ, съ твердымъ *л* выйдетъ еще лучше (sic)“.

¹⁾ Также самая особенность есть и въ чешскомъ языкѣ.

На такой аргументъ не было возможности возражать; Шипковъ прибавилъ:

— „Вѣдь нѣмцы и французы потому не употребляютъ твердаго лъ, что не могутъ его выговорить“.

Извѣстно, что во время отечественной войны Шипковъ состоялъ при Александрѣ I для редактированія издаваемыхъ по случаю этой войны высочайшихъ манифестовъ. Это были замѣчательныя въ своемъ родѣ творенія. Разъ Александръ Семеновичъ спросилъ меня, читалъ-ли я его сочиненія? Ихъ было нѣсколько томовъ, но я, признаюсь, не читалъ ничего, кромѣ упомянутыхъ манифестовъ, поэтому я и свернулъ разговоръ на нихъ, сказавъ, что при всемъ достоинствѣ другихъ произведеній его пера, эти патріотическіе документы показались мнѣ лучшими. Это естественно, прибавилъ я, вы ихъ писали по вдохновенію пламенной любви къ отечеству. Это дѣйствительно было мое мнѣніе. Но я былъ молодъ и не могъ удержаться, чтобы къ заслуженной похвалѣ не подсыпать немного соли. Я сказалъ: „не буду распространяться о тѣхъ манифестахъ, въ которыхъ вы такъ краснорѣчиво и трогательно передавали высокія мысли и чувства Благословеннаго монарха милліонамъ его подданныхъ. Вы писали подъ наитіемъ вдохновенія. Тутъ не было искусства, да оно и не было нужно. Но знаете-ли, в. в., гдѣ вы показали, что, когда оно нужно, то обладаете и этимъ качествомъ? — въ манифестѣ о дворянской медали въ память 1812 г. Чтò можно было сказать въ похвалу некрасиваго матеріала? Но вы разрѣшили задачу какъ нельзя лучше. О бронзѣ вы говорите: „Сей металлъ, крѣпостью своею уподобляющійся твердости духа русскаго дворянства“ и т. д. Такимъ образомъ достигнута двоякая цѣль: и дворяне приняли медали съ удовольствіемъ, и соблюдена экономія. Согласитесь, что это верхъ искусства“. Эту полуправду, полупутку, Александръ Семеновичъ принялъ съ обычнымъ благодушіемъ.

Въ послѣднія пять или шесть лѣтъ жизни Александръ Семеновичъ очень рѣдко ѣздилъ въ Россійскую Академію. Она помѣщалась въ зданіи, украшенномъ минервинными совами, въ концѣ 1-й линіи Васильевскаго Острова (это то самое зданіе, которое, послѣ коренной перестройки, занимаетъ теперь римско-католическая духовная академія). Несмотря на рѣдкія посѣщенія президента, труды почтенной корпораціи шли своимъ порядкомъ. Въ опредѣленные дни, кажется, два раза въ мѣсяцъ, засѣданія бывали у Шипкова въ домѣ. Собиравшіеся члены получали жетоны, за которые имъ выплачивалось по 10 руб. Изъ членовъ я запомнилъ Перевощикова, Гигѣдича, Массальскаго, Ободовскаго, графа Хвостова. Тамъ читались и тщательно разбирались работы по составленію академическаго словаря русскаго

языка, читались также разные нѣчто членовъ, и стихотворенія графа Хвостова; на каждое засѣданіе муза послѣдняго поставляла какое-нибудь новое произведеніе. Все это были только прелюдіи, главное же составляли отчеты о сдѣланныхъ президентомъ и членами новыхъ открытіяхъ въ области какъ самаго славянскаго корнесловія, такъ и относительно происхожденія другихъ языковъ отъ славянскаго. Когда открывалось засѣданіе, я удалялся къ Юліи Осиповнѣ. Тамъ, за чаемъ, всегда была пріятная компанія: сама хозяйка, ея молодая племянница Цецилія Окенцкая, съ гувернанткою-англичанкой, миссъ Сведне-Смитъ, жена племянника Александра Семеновича Дарья Александровна и постоянно какая-нибудь барышня изъ многочисленной родни хозяина. Изъ мужчинъ былъ племянникъ хозяйки, прекрасный молодой человекъ К.^тС. Лясковичъ (въ послѣдствіи старшій секретарь канцеляріи министра), еще кто-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ; часто бывалъ и Мицкевичъ. Двое или трое изъ нашей компаніи подкрадывались иногда и подслушивали у дверей залы ученаго засѣданія. Изъ подслушанныхъ такимъ образомъ, остались у меня въ памяти двѣ курьезныя этимологіи. Одной изобрѣтателемъ былъ Перевощиковъ; онъ открылъ, что слово ястребъ происходитъ отъ яству тѣребить. Родословная эта заслужила общее одобреніе и была тщательно записана. Если бы я имѣлъ въ почтенномъ собраніи хотя совѣщательный голосъ, то осмѣлился бы бросить сомнѣніе, не ближе-ли искать ястреба въ латинскомъ астуръ (Astur)? но я стоялъ за дверью святилища. Впрочемъ, можетъ, это и къ лучшему; мнѣ, вѣроятно, возразили бы, что латинское названіе хищной птицы—нѣчто иное какъ извращенное славянское: оно не имѣетъ такого логично-практическаго корня какъ яству тѣребить. Менѣе счастливъ съ своей этимологіей былъ другой членъ, Массальскій. Онъ долго думалъ надъ происхожденіемъ французскаго слова *écclésiastique* (духовный) въ отношеніи къ славянскому языку, и нашелъ, что такъ какъ въ католической литургіи есть нѣсколько моментовъ, въ которые священникъ преклоняетъ одно колѣно, то *écclésiastique* можетъ происходить отъ глагола колѣнчать. Это уже было слишкомъ замысловато; родословная признана собраніемъ натянутой, а сходство между словами слишкомъ отдаленнымъ. Въ то же засѣданіе графъ Хвостовъ докладывавъ собранію, что адмиралъ Рикордъ писалъ ему изъ Аѳинъ, прося, чтобы графъ прислалъ ему свой бюстъ, для помѣщенія въ храмъ Минервы, въ числѣ изображеній славныхъ ученыхъ и поэтовъ. Графъ, изъ похвальной скромности, отказалъ и отвѣчалъ слѣдующимъ двустипіемъ:

Ты просишь, о Рикордъ, въ Минервинъ храмъ мой бюстъ?
Парнасса гражданцѣ, я не заморскій кустъ.

Понялъ-ли Рикордъ, поняло-ли почтенное собраніе, что хотѣлъ сказать авторъ, не знаю; что до меня, то я не могъ догадаться смысла стиховъ и разгадку сіятельный сфинксъ унесъ съ собою въ царство тѣней навсегда!

Теперь нѣсколько подробностей о графахъ Хвостовыхъ, которыхъ я зналъ довольно близко.

Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Горчаковой, родной племянницѣ фельдмаршала князя Суворова, и по этому случаю сардинскимъ королемъ пожалованъ ему былъ графскій титулъ. Я зналъ его уже старымъ, онъ былъ сенаторомъ и одно время даже первоприсутствующимъ въ своемъ департаментѣ. Но то, что я сказалъ о сенатѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ („Русская Старина“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 458—460), какъ нельзя вѣрнѣе примѣняется къ его судейскому званію. До сенатскихъ дѣлъ ему не было дѣла; онъ только думалъ, какъ ему взобраться на Парнасъ.

Страсть къ стиходѣйству, овладѣвшая имъ еще въ молодости ¹⁾, перешла современемъ въ хроническую болѣзнь и въ болѣзнь неизлечимую; никакія неудачи и никакіе сарказмы не могли убѣдить его въ томъ, что своими поэзіями онъ достигаетъ только одной цѣли: смѣшить всѣхъ умѣющихъ читать. Трудно было видѣть подобное сочетаніе въ одномъ лицѣ полнѣйшей бездарности съ такимъ упорствомъ къ преслѣдованію того, что ему никакъ не давалось. Это былъ по истинѣ Тредьяковскій XIX вѣка. Посредственнымъ, даже плохимъ стихотворцамъ, иногда удается выработать что-нибудь недурное, но у Хвостова во всемъ, что онъ написалъ, нельзя найти ни однихъ хотя бы сносныхъ стиховъ. Между тѣмъ эта метроманія стоила ему значительныхъ денегъ; онъ безпрестанно сочинялъ и тотчасъ же печаталъ написанное, разумѣется, на свой счетъ, а это была трата денегъ самая непроизводительная; этихъ книгъ никто и не думалъ покупать. Тогда самъ сочинитель, воображая, что его не узнаютъ, обходилъ книжныя лавки, спрашивалъ сочиненій графа Хвостова и закупалъ десятки экземпляровъ, не щадя имъ всякихъ похвалъ. Его не могли разочаровать ни неудачи, ни эпиграммы Пушкина, которыя и всѣмъ, и ему были извѣстны. Онъ все это приписывалъ зависти и извращенному вкусу новой литературы. Когда, въ началѣ 20-хъ годовъ, я съ нимъ познакомился, графъ Хвостовъ былъ уже старъ и давно

¹⁾ Разсказывали за положительный фактъ, что Суворовъ, на смертномъ одрѣ, прощался съ мужемъ своей племянницы, взявъ съ него торжественную клятву, что онъ не напишетъ стиховъ на его копчину.

страдалъ стихобѣсіемъ. Гораздо ранѣе до Пушкина сочиняли уже на него эпиграммы; приведу здѣсь одну. На одномъ балѣ, увидѣвъ графа въ танцѣ, одинъ изъ гостей сказалъ:

Нашъ графъ, сказать ему мы можемъ не въ укоръ:
Танцуетъ, какъ Вольтеръ, а пишетъ, какъ Дюпоръ.

Дюпоръ (Dupont) во время оно былъ первый балетный танцоръ послѣ знаменитаго Вестриса.

Не было въ городѣ происшествія, или сколько-нибудь замѣчательнаго случая, о которомъ графъ не написалъ бы тотчасъ множество стиховъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ вздумалъ выстроить воксалъ и развести садъ для публичныхъ гуляній въ Екатерингофѣ, на взморьѣ. Это стоило городу немалыхъ денегъ, но, не знаю почему, не имѣло успѣха. Послѣ двухъ первыхъ лѣтнихъ сезоновъ екатерингофское гулянье совсѣмъ опустѣло. Но чрезъ недѣлю послѣ его открытія нашъ пійтъ не преминулъ напечатать диограмбъ, гдѣ, при изъявленіи благодарности петербуржцевъ Милорадовичу, воспѣвались его военные подвиги въ отечественную войну. Неизвѣстно почему это стихотвореніе такъ понравилось самому автору, что онъ на немъ основалъ свои права на память потомства. Онъ велѣлъ литографировать свой портретъ съ подписью внизу: „Екатерингофскій Бардъ“. Портретъ этотъ продавался въ гостиномъ дворѣ и въ книжныхъ лавкахъ.

Видя, что посредствомъ книжной торговли слава его слишкомъ медленно распространяется, графъ придумалъ хитрость. По напечатаніи мелкихъ стихотвореній, онъ бралъ къ себѣ множество экземпляровъ и, набивши ими карманы, отправлялся во время прогулокъ въ Лѣтній садъ. Тамъ онъ охотился за знакомыми. Поймавъ кого-нибудь изъ нихъ, отводилъ въ уединенную аллею, усаживалъ свою жертву, прочитывалъ ей новое твореніе, а потомъ дарилъ экземпляръ. Всѣ скоро узнали эту хитрость и, завидя издали поэта въ главной аллеѣ, спасались бѣгствомъ. Когда такимъ образомъ и это средство гласности оказалось недѣйствительнымъ, графъ ограничился раздачею экземпляровъ, утромъ, приходившимъ къ нему съ записками по дѣламъ въ сенатъ просителямъ, а вечеромъ—собиравшимся въ его домѣ гостямъ.

За исключеніемъ этой смѣшной стороны, Хвостовъ былъ почтенный, добрый человѣкъ, всегда готовый оказать помощь и услугу. Онъ и жена его жили открыто, въ своемъ домѣ, на Сергіевской улицѣ, и принимали каждый вечеръ. У нихъ собиралось не мало гостей лучшаго общества, составлялось нѣсколько партій, а ровно въ 12 часовъ

подавали ужинъ. Графиня была со всѣми очень любезна, вполне великосвѣтская дама временъ Екатерины. По тогдашней модѣ, она не говорила иначе, какъ по-французски. У ней были двѣ компаньонки, дѣвы почтенныхъ лѣтъ. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы занимать разговоромъ дамъ, когда графиня играла. Графъ не игралъ, а поймавъ кого-нибудь изъ гостей, уводилъ въ кабинетъ читать ему свои стихи до самаго ужина. Я, послѣ партіи, былъ часто такой жертвой.

У Хвостовыхъ былъ только одинъ сынъ, графъ Александръ; благодаря родственнымъ связямъ, онъ началъ блистательно карьеру по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ попеременно причисляемъ къ разнымъ посольствамъ, но нигдѣ не могъ ужиться. Его странныя манеры не отличались той утонченностью въ узнѣи жить, которая требуется отъ посольскихъ чиновниковъ, выбираемыхъ изъ представителей молодежи своей родины. Молодой графъ и въ рѣчахъ и въ поведеніи усвоилъ себѣ Діогенову философію; онъ ничѣмъ не стѣснялся, слѣдуя во всемъ своимъ вкусамъ и прихотямъ. Одѣвался чудачкомъ, а опрятность и чистоплотность не принимались имъ въ расчетъ. Онъ оставилъ службу въ началѣ 20-хъ годовъ и жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ родителей, но на ихъ вечерахъ не показывался никогда. Онъ не бывалъ и въ обществѣ, проводя дни въ прогулкахъ по улицамъ и въ кондитерскихъ, гдѣ за рюмкой вина или ликера перечитывалъ газеты, осуждая во всеуслышаніе дѣйствія всѣхъ возможныхъ правительствъ. Я познакомился съ нимъ у отца. На первыхъ порахъ можно было замѣтить, что это былъ человекъ очень неглупый, начитанный, но невыносимо красный. О матери онъ никогда не говорилъ; надъ стихами отца смѣялся и отзывался о немъ съ откровеннымъ сожалѣніемъ. Вообще графъ Александръ былъ одинъ изъ тѣхъ субъектовъ высшаго петербургскаго общества, которые, подъ гнетомъ арапчеевскаго милитаризма и застой общественной жизни, были, какъ говорятъ, „зашибены въ цвѣту“. Я зналъ ихъ нѣсколько: такіе были графъ З., С., князь Г. и др. Всѣ они были одарены недюжинными способностями, начинали блистательно, но вскорѣ, не находя себѣ подходящей среды и простора, какъ бы задыхались въ душной атмосферѣ и оканчивали, кто полнѣйшею апатіею, кто цинизмомъ. Когда я, начиная съ 20-хъ годовъ, зналъ графа Александра Хвостова, онъ ходилъ всегда въ огромномъ шейномъ платкѣ, претендовавшемъ на бѣлый цвѣтъ. Бороду и усы онъ не брилъ, а обстригалъ ножницами. Лѣтомъ, даже ходя по улицамъ, онъ всегда былъ во фракѣ, но въ какомъ фракѣ! Онъ тогда уже былъ сѣдой. Неряшество его обращало вниманіе даже проходящихъ. При томъ, онъ не лишень былъ нѣкоторой представительности

и имѣлъ барскія замашки, и это съ его внѣшностью составляло странный контрастъ. Разъ, помню, въ Павловскѣ, гдѣ мы были: министр Туркулъ, графъ Чапскій, Бальзакъ и я, графъ Александръ подошелъ ко мнѣ и мы съ нимъ о чемъ-то поговорили. Когда онъ ушелъ, Бальзакъ, разсматривавшій его внимательно, спросилъ:

— „*Quel est ce personnage typique?*“

Я отвѣчалъ: „*C'est le petit neveu d'un grand homme*“, и назвалъ его.

Авторъ „*Comédie humaine*“, толстый, неуклюжій, также обращалъ на себя взгляды, только не неряшливостью, а радужными цвѣтами своего наряда. Въ тотъ день былъ у него на шеѣ голубой платокъ, канареичнаго цвѣта жилетъ и узенькіе нанковые панталоны. Въ подобномъ костюмѣ, въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ, онъ ухаживалъ за графиней Ганской, вдовой, рожденной графиней Ржевуской, на которой въ послѣдствіи женился въ Парижѣ. Это была давнишняя взаимная привязанность. Графиня, какъ и вся семья Ржевускихъ, была красавица. Бальзакъ изобразилъ характеристику своей возлюбленной въ двухъ прекрасныхъ повѣстяхъ: „*Modeste Mignon*“ и „*Seraphita-Seraphitus*“. Когда она выходила за Бальзака, онъ былъ уже одержимъ тяжкою хронической болѣзнію и госпожа Бальзакъ писала къ брату въ Петербургъ, что вышла замужъ для того, чтобы быть сидѣлкой у знаменитаго человѣка.

Въ послѣдствіи времени графъ Александръ Хвостовъ страстно предавался изученію тайныхъ наукъ, въ особенности герметической философіи. Мы тогда съ нимъ сблизились и часто видались. По смерти родителей, онъ наслѣдовалъ значительное состояніе. Пріѣхавши въ 1872 г. изъ деревни въ Петербургъ, я тамъ въ послѣдній разъ видѣлъ его у княгини Е.; онъ по прежнему былъ веселъ и разговорчивъ, но физически разслабленъ и выѣзжалъ уже не иначе, какъ сопровождаемый бонной, француженкой. Онъ умеръ въ томъ же, или въ слѣдующемъ году.

Возвращаясь къ Шишковымъ.

Разъ мы вели съ Александромъ Семеновичемъ серьезный споръ, такъ что онъ на меня почти разсердился, хотя и несправедливо, такъ какъ я стоялъ за правое дѣло. Это было по слѣдующему случаю, который въ свое время надѣлалъ въ Петербургѣ много шума и раздѣлялъ общество на два лагеря. Я привожу его здѣсь потому, что онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ тогдашнее время и тогдашнія понятія; при теперешнемъ развитіи судебной части и науки права, подобный случай едва-ли могъ бы имѣть мѣсто.

Въ исходѣ 20-хъ годовъ явился въ Петербургъ нѣкто гр. Гритти.

Онъ былъ побочный сынъ итальянскаго графа этого имени и вдовы графини Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, поселившейся съ давнихъ лѣтъ во Флоренціи. Мать, умирая, оставила сыну большой капиталъ. Бланковыми надписями, сдѣланными на облигаціяхъ коммисіи погашенія долговъ, она передала ему сумму до семи милліоновъ рублей асс. Но желая передачу эту еще болѣе укрѣпить, графиня записала ему же ту же самую сумму духовнымъ завѣщаніемъ.

Если бы Гритти представилъ въ коммисію одни билеты съ бланками, это учрежденіе, не смотря на громадность суммы, не могло бы, по своимъ правиламъ, не выдать ея безспорно; но онъ представилъ вмѣстѣ и духовную матери. Это дало поводъ законнымъ наслѣдникамъ графини Брюсъ оспаривать права Гритти, какъ незаконнаго сына, на завѣщанный ему капиталъ. Такъ въ этомъ случаѣ не оправдалась латинская аксіома: „*melius abundare quam deficere*“. Излишнею заботливостью матери созданы были для сына непредвидѣнныя затрудненія.

Конечно, при самомъ простомъ, а поэтому самомъ справедливымъ взглядѣ, тутъ никакого затрудненія не было. Коль скоро не было и не могло быть спора о принадлежности капитала покойной графинѣ, то тотъ, въ чьихъ рукахъ находились ея бланки на этотъ капиталъ, долженъ былъ получить его безспорно. Завѣщаніе того же капитала тому же самому лицу, у котораго находились облигаціи съ бланками, было или не было дѣйствительно, это не измѣняло существа дѣла, такъ какъ духовной могло и вовсе не быть. Вопросъ разрѣшался такъ просто, какъ открывался крыловскій ларчикъ. Но не тутъ-то было, при тогдашнемъ состояніи законодательства и при крайне маломъ развитіи въ обществѣ здравыхъ юридическихъ понятій.

Умѣніемъ вести дѣла почиталось въ то время умѣніе обходить прямой, даже самый ясный законъ и изобрѣтать то, что такъ мѣтко названо крючками. Притомъ наслѣдники графини Брюсъ имѣли большія связи и сѣумѣли въ общественномъ мнѣніи затронуть струны, хотя и чуждыя сущности дѣла, но всегда звонко отзывавшіяся, даже въ противность очевидности и къ ущербу справедливости. Гритти же имѣлъ запитникомъ только своего посланника и еще нѣкоторыхъ дамъ, такъ какъ онъ былъ очень красивъ.

Загорѣлся огромный процессъ, и хотя весь Петербургъ о немъ говорилъ, но я, не бывъ знакомъ съ Гритти, не слѣдилъ за переходами его дѣла въ низшихъ слояхъ суда и началъ интересоваться имъ только, когда дѣло это, почти повсюду проигранное Гритти, разбиралось уже въ государственномъ совѣтѣ, и когда нѣкоторые члены говорили о немъ со мною.

Гритти, какъ сказано, былъ красивый мужчина, притомъ съ велико-свѣтскими манерами, въ коихъ проглядывали заносчивость и даже фанфаронство, обличающія богатаго выскочку, вкравшагося въ аристократическую среду. Это не мѣшало ему, впрочемъ, имѣть большіе успѣхи въ свѣтѣ. Въ теченіе двухъ или болѣе лѣтъ продолженія его процесса, онъ былъ петербургскимъ львомъ. Онъ имѣлъ прекрасный теноръ и пѣлъ съ чистой итальянской методой, почему и участвовалъ во всѣхъ публичныхъ концертахъ, душею которыхъ былъ князь Григорій Волконскій и которые давались лицами высшаго петербургскаго общества съ благотворительною цѣлью. Но въ одномъ изъ нихъ онъ имѣлъ несчастіе своей крайне неумѣстной развязностью обратить на себя неблагоприятное вниманіе императора Николая. Концерты тогда давались въ залѣ дома Энгельгардта (теперь Ольхиной), у Казанскаго моста¹⁾. Царской ложи устроено не было, и для высочайшихъ особъ оставляли первый рядъ креселъ, очень близкій къ эстрадѣ, на которой выступали диллетанты-артисты. Царская фамилія присутствовала на концертѣ и августѣйшая покровительница его, императрица Александра Федоровна, тогда въ цвѣтѣ своей величественной красоты, заняла кресло посрединѣ перваго ряда. Когда по программѣ пришла очередь дуета, который съ какою-то дамой долженъ былъ спѣть Гритти, то онъ, ставъ посрединѣ эстрады, съ невѣжественнымъ нахальствомъ началъ лорнировать прямо предъ собою. Государь выразилъ свое негодованіе и завѣдующій концертомъ долженъ былъ тутъ же остановить Гритти. Съ тѣхъ поръ Николай Павловичъ, встрѣчая его, отворачивался, чтобы не отвѣчать на его поклонъ. Это стало въ городѣ извѣстнымъ и, конечно, не способствовало къ расположенію общественнаго мнѣнія въ пользу Гритти.

Дѣло его усложнилось представленіемъ имъ духовной, тѣмъ болѣе, что это былъ не подлинникъ, а засвидѣтельствованная копія. Эти обстоятельства не имѣли ничего существеннаго, но тѣмъ не менѣе открыли обширное поле для разглагольствованія противной сторонѣ и для эксплуатированія крючкотворцами мало-свѣдущаго большинства общества. Изъ судей, особенно первыхъ инстанцій, мало кто, а вѣрнѣе никто, не зналъ, что въ рукахъ частнаго лица, прибывшаго изъ Италіи, не могло быть другой духовной, какъ та, которую имѣлъ Гритти. Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, подлинныя духовныя завѣщанія хранятся при дѣлахъ нотаріальныхъ или судебныхъ, у которыхъ они были явлены, и никогда не выдаются въ частныя руки, а получаютъ съ нихъ копій, вполне воспроизводящія и замѣняющія под-

¹⁾ См. мои Воспоминанія: «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ XI.

линникъ. Въ случаѣ же заявленнаго кѣмъ-нибудь сомнѣнія, оригиналъ видѣть можно не иначе, какъ по рѣшенію надлежащаго суда. Напрасно со стороны Гритти это было объясняемо; напрасно онъ представлялъ, что копія его облечена во всѣ требуемыя формальности съ удостовѣреніемъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, что о существованіи подлинника и о вѣрности копіи можно убѣдиться посредствомъ посольства; не взирая на всѣ эти объясненія, не преставали домогаться отъ него подлинника и неимѣніемъ его мотивировались рѣшенія разныхъ инстанцій, отказывавшія ему въ искѣ.

Когда дѣло дошло до государственнаго совѣта, оно долго трактовалось и въ департаментѣ и въ общемъ собраніи. Старанія и искаательства заинтересованныхъ лицъ усилились, всѣ возможные средства пущены были въ ходъ. Въ это-то время Александръ Семеновичъ заговорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ. Я высказалъ свое мнѣніе со всею откровенностью въ пользу Гритти. Шишковъ былъ, повидимому, сильно настроенъ на противное мнѣніе; онъ утверждалъ, что представивъ духовную, Гритти являлся уже не какъ кредиторъ комисіи погашенія долговъ, а какъ наслѣдникъ въ имуществѣ графини Брюсъ, на что, какъ незаконнорожденный, не имѣлъ права. Когда я отвѣчалъ, что имущество было такое, какимъ по духовному можно располагать безотчетно, Шишковъ сталъ оспаривать самое завѣщаніе на томъ основаніи, что иностранные законы о формальности этихъ актовъ не могутъ обязывать въ Россіи, гдѣ непременно требуется подлинникъ. Видя, какъ онъ сильно предубѣжденъ, я уже не сказалъ, что въ актахъ, составляемыхъ въ Италіи, нельзя требовать тѣхъ самыхъ условий, которыя узаконены въ Россіи, а далъ вопросу другой оборотъ и сказалъ: суть дѣла не въ завѣщаніи, а въ бланковыхъ надписяхъ на облигаціяхъ, и если по нимъ деньги не будутъ выданы, этимъ нарушится коренной принципъ операцій комисіи погашенія долговъ, наши банковыя учрежденія потеряютъ за границей кредитъ и на иностранныхъ рынкахъ не станутъ принимать нашихъ фондовъ, а это повлечетъ за собою послѣдствія во сто кратъ важнѣе, чѣмъ уплата семи милліоновъ, вполне согласная съ уставомъ комисіи. На это, не найдя отвѣта, Шишковъ, по обычаю всѣхъ упрямыхъ въ подобномъ случаѣ, сталъ сердиться. Въ заключеніе, какъ бы думая поразить меня неопровержимымъ аргументомъ, онъ спросилъ: „знаешь-ли кто была графиня Брюсъ“?— „Нѣтъ, не знаю“.— „Она была русская и деньги ея были русскія, заработанныя русскими крестьянами, а ты хочешь, чтобы ихъ отдали какому-то иностранцу-пройдохѣ безъ рода и племени“!

Этимъ, естественно, кончился разговоръ.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта большинство голо-совъ было противъ Гритти.

Однако, несмотря на антипатію къ нему, императоръ не утвердилъ этого мнѣнія, а пожелалъ, чтобы дѣло было ближе разсмотрѣно съ точки зрѣнія меньшинства. Для этого государь назначилъ комиссію изъ трехъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича; членами были Сперанскій и графъ, въ послѣдствіи князь, Алексѣй Орловъ. Коммисія дала заключеніе въ пользу Гритти и государь утвердилъ его. Такъ кончилась эта *cause célèbre*, занимавшая около двухъ лѣтъ общественное мнѣніе не въ одномъ Петербургѣ.

Предъ окончательнымъ исходомъ своего дѣла, Гритти тяжело заболѣлъ и медиками осужденъ былъ къ смерти. Тогда онъ призвалъ священника и заключилъ, *in extremis*, законный бракъ съ молодой прекрасной вдовой, полькой В., съ которою состоялъ въ гражданскомъ бракѣ. Но, несмотря на приговоръ науки, онъ выздоровѣлъ, получилъ свои милліоны и уѣхалъ съ женою на родину.

До назначенія Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія въ 1824 году, при князѣ Голицынѣ, съ этимъ министерствомъ соединено было завѣдываніе духовными дѣлами всѣхъ исповѣданій. При Александрѣ Семеновичѣ, дѣла православной церкви состояли уже въ непосредственномъ вѣдѣніи синода, а изъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій составлено особое управленіе и вѣрено Д. Н. Блудову. Затѣмъ, управленіе это вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ которому принадлежить и теперь.

Управленіе Александра Семеновича вѣренною ему частью, при директорѣ департамента Д. И. Языковѣ, было, какъ и самъ министръ, благодушное, справедливое, но далеко не прогрессивное. Шишковъ, болѣе другихъ государственныхъ дѣятелей, раздѣлялъ господствовавшее тогда въ правительственныхъ сферахъ опасеніе вторженія изъ заграницы революціонныхъ стремленій карбонаризма и тугендбундовъ. Послѣ открытія тайныхъ пружинъ событія 14-го декабря 1825 г., опасенія эти приняли опредѣленную форму и, вѣроятно подъ ихъ вліяніемъ, Шишковъ, не внимая дѣлаемымъ ему замѣчаніямъ, составилъ извѣстный свой уставъ о цензурѣ. Онъ отличался необыкновенною строгостью и тѣмъ именно, что за преступленія въ печати полагалось наказывать цензора, сочинителя и издателя. Строгости эти вскорѣ были отмѣнены по вліянію Д. Н. Блудова и онъ составилъ новый уставъ, который вошелъ въ сводъ законовъ и оставался обязательнымъ до новѣйшихъ преобразованій.

Шшковъ оставилъ министерство въ 1828 году, по внушенію самаго императора Николая, облеченному въ форму милостиваго вниманія. Александръ Семеновичъ дѣйствительно былъ уже дряхлый, ослабленный старикъ. Въ послѣдній докладъ онъ долго не могъ отворить ключемъ портфеля и государь помогъ ему въ этомъ, вынулъ бумаги и самъ ихъ прочиталъ вслухъ. Послѣ доклада, царь ласково сказалъ:— „Александръ Семеновичъ, вы много и доблестно трудились: не пора-ли вамъ успокоиться?“ Къ этому императоръ прибавилъ нѣсколько милостивыхъ словъ о томъ, что желаетъ, чтобы онъ продолжалъ присутствовать въ совѣтѣ. На другой день Шшковъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; государь оставилъ его членомъ государственнаго совѣта и президентомъ російской академіи, съ полнымъ министерскимъ содержаніемъ.

Шшковъ умеръ 86-ти лѣтъ, въ 1840 году.

О. А. Пржецлавскій.

